

ВЛАДИМИР ПОПОВ

ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ
Неакадемические записки профессора

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6
П 58

Попов, В.Д.

П 58 Точки бифуркации. Неакадемические записки профессора / Владимир Попов. – М. : Изд-во РАГС, 2011. – 162 с.

ISBN 978-5-7729-0677-4

Точки бифуркации – переломные моменты судьбы, искрение сознания, протуберанцы памяти, в которой явь и сон сплетены воедино. Лица, события, мечты, научные искания и озарения, сменяя друг друга, рождают в сознании человека объемную панораму текущей жизни, которую автор перенес на страницы этой психоаналитической повести. В ней – судьбоанализ прожитого со всеми взлетами и падениями, радостями и переживаниями. Автор и герой книги с радостью и надеждами встречает свои юбилеи.

ISBN 978-5-7729-0677-4

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Попов В.Д., 2011
© Издательство РАГС, издание, оформление, 2011

Загадки сновидений

С детства помнились сны: то вдруг обретаешь крылья большой птицы и летишь в облаках, любуясь красотой земли, как это делают космонавты, то тебе снится, как бежишь вдогонку за машиной или паровозом, на котором от тебя почему-то уезжают родители. То ты прощаешься с первой любовью – невероятный стресс, просыпаешься в слезах, в трясучке. С трудом приходишь в себя. Или в крепком сне летишь в пропасть. Просыпаешься, и первое впечатление – горюшко-то какое! Но проходит некоторое время, успокаиваешься и засыпаешь вновь. Наутро же с трудом вспоминаешь сонные испытания.

Почему так происходит? На этот вопрос тогда, да уже и будучи профессором по социальной психологии, создавшим школу психоанализа на кафедре, Влад Павлович Анин не мог найти вразумительного ответа. Не давала ответа и новая наука – социальная информатиология. Нет! Она открывала многие тайны – коммуникативный психоанализ, теории Фрейда, Юнга, Бехтерева... Эти труды уже долгие годы не дают Владу покоя ни днем ни ночью. Открывались во сне и наяву такие тайны человеческой психики, что ему становилось страшно. Страшно потому, что все больше начинал копаться в себе, находил в душе разные комплексы и уходил в себя, молчание становилось привычным поведением. Но самое страшное, что он невольно распознавал двойную сущность людей, с которыми приходилось общаться, особенно хитроманов, то есть воображающих, что они хитрее других. По мимике, по взгляду, по тональности речи, логике разговора Влад постоянно

анализировал человека. Он бежал от этого, страдал, старался переключиться на другие темы, но вновь возвращался к психоанализу. Даже занявшись новой областью науки — социальной информатологией, он снова пришел к выводу: для того чтобы понять, как информация воспринимается, перерабатывается человеческим мозгом, какие за этим следуют поступки, необходимо вернуться к психоанализу. Без него не понять и историю своей судьбы.

Были, правда, и приятные последствия психоаналитической работы профессора. Проснувшись однажды утром в конце июля 1998 года, он начал с великим трудом припоминать (сны ведь быстро забываются) какое-то важное и мрачное событие. И вдруг интуитивное озарение: я же видел во сне дефолт! И после традиционного утреннего купания он на всякий случай посоветовал соседям по даче: «У кого есть сбережения в банке в рублях, срочно поезжайте в Москву и снимайте, можете на доллары поменять». Сосед — писатель Аркадьич — последовал его совету, а потом несколько лет благодарил, особенно, бывало, за рюмкой после жаркой баньки. Дефолт августа 1998 года многих обанкротил.

Почему же «профессор-философ», как звали его на дачной улице, пришел к такому выводу во сне и наяву? Сам он не мог дать на этот вопрос четкого ответа. Только догадывался, что его сознание становилось после 1991 и 1993 годов аналитичнее. Раньше он свято верил генсекам, а тут — что не речь «первого президента РФ», то вроде разумная идея, то панегирик, то сенсация. И, видимо, ум профессора обобщал данную информацию, тем более что у него был личный опыт общения с членами Политбюро. Он часто писал по их поручениям аналитические материалы. Фраза Ельцина, что он «ляжет на рельсы...», заботясь якобы о благе народа, вызывала у Влада недоверие, переходящее в чувство тревоги. Вероятно, на основе этих обобщений сработала интуиция. Возможно!?

У Влада частенько рождались сны как некие предсказания. Профессор стал замечать порой, что новое яркое событие он как будто уже видел во сне. И когда говорил об этом с родными, друзьями, коллегами, то они также признавались в загадочности подобных снов-предсказаний, которые и у них случались. Что за загадка? «Тайна кроется, видимо, в работе человеческого мозга», — размышлял про себя профессор.

А что такое любовь? Почему проходят десятки лет, а первая любовь продолжает сниться, хотя наяву она уже пережита и за-

быта. Почему память не вытесняет ее из сознания? «А из сознания ли?» — задумывался Влад над своим прошлым и настоящим. Если сознание будет хранить всю информацию о прошлом, то человек может сойти с ума!? Значит, есть кроме сознания еще какой-то тайник памяти, может, он и руководит нашими снами? Так все чаще размышлял профессор, прочитав очередную книгу по психоанализу.

Своими вопросами и догадками он делился с друзьями еще в молодости, особенно в студенческие годы. Учился он на аэрокосмическом факультете, изучая динамику полета ракет, сложные премудрости их двигателей. И сны о небесных полетах своего «я» он все время сравнивал с полетом ракет, точнее, с полетом Гагарина и других космонавтов. Боже, какое чудное время было — дух захватывало! — шестидесятые годы, теперь уже прошло столетия...

«Вот потому и мне снятся полеты», — объяснял студент-ракетчик самому себе. Однажды он поделился своим «открытием» с братьями-студентами Валерой и Иваном, когда в лаборатории вместе проводили испытания на макетах ракет.

— Слушай, Влад, — а ты не того? Похоже, совсем на ракетках помешался, это же техника, а не человек, — возразил Иван.

— Нет, тут что-то есть общее, — заметил Валера, — увлечение полетом ракеты переходит во сне в собственный полет, вполне возможно. Но почему это происходит — сложный вопрос, не для нас технарей.

«Не для нас технарей», — эта фраза запала глубоко в душу студента, определив, можно сказать, всю его дальнейшую судьбу. «Если не для технарей, то для кого же? — задавался он вопросом. — Неужели для гуманитариев?» Искал и не находил он ответа и при изучении философии, политэкономии, научного коммунизма, конкретной экономики, по которым ему преподаватели ставили оценки автоматом.

— Сны-то ладно — подумаешь, грезы — чего их изучать. А вот то, что сущности человека, секретов его поведения не открывают эти науки, — вот проблема, — как-то искренне поделился Влад с преподавателем экономики на четвертом курсе.

— Да нет, почему, — изучаем человека как рабочую силу, — разве этого мало? — ответил преподаватель студенту.

— Не знаю, вам виднее! — отчеканил Влад.

Однажды на семинаре по научному коммунизму, который проходил, к всеобщему большому удовлетворению, в форме свободной дискуссии, Влад отважился доценту задать два своих сокровенных вопроса.

Первый: почему у нас человек выпал из экономики, из политической экономии, из демократии? И второй: отчего некоторые сны сбываются?

— Во-первых, человек присутствует в наших дискуссиях, не так ли? — ответил доцент.

— В наших-то свободных дискуссиях — да, а почему в учебниках о той же западной концепции человеческих отношений — ни слова? — не унимался Влад.

— Могу согласиться: вам, молодой человек, видимо, и вашим коллегам, явно не хватает знаний по психологии. В учебниках! Могу только сожалеть, что вам не преподают науку, которую часто называют инженерией человеческих душ. Вы будущие инженеры по технике, притом какой — космической, гордиться надо! Каждому свое, и это *свое* ценить и умножать надо! А человек познается на практике, или, как в народе говорят, — человек познается в беде или в большой радости, — заключил доцент.

«Может, и так, только не много ли бед у наших людей, даже родных и близких, от этого незнания человеческой души?» — молча заключил для себя Влад.

Однако слова преподавателя о науке психологии глубоко закрепились в памяти. Мысль об этом не давала покоя, даже во сне или в размышлениях — по утрам, когда прогуливался в парке.

Женщина и Наука, окутанные Любовью, — вот счастье любого творческого человека. Но осознание этого к Владу пришло потом, в том числе и через попытку открыть тайны человеческой души, в особенности снов, и благодаря совету доцента — преподавателя научного коммунизма.

Итак, второй его сокровенный вопрос: почему некоторые сны сбываются, как будто это не сон, а явь или *сноявь*, или — провидение?

— Я и сам себя ловлю на этой мысли, — говорил в дискуссии уже другой доцент, — но объяснить с научной точки зрения не могу. Вначале думаешь, что это мистика, фантазия ума. Потом через какое-то время приходит озарение — через смутные воспоминания: стоп, я это уже где-то видел. Где? Оказывается, во сне. В чем

причина сему явлению, почему оно происходит, — не знаю. Мы пока мало знаем о подсознании, может, в нем стоит искать ответ? — заключил философ.

— Неужели мировая наука не исследует этот загадочный феномен в жизни человека? — не успокаивался Влад.

— Думаю, что изучает. Я где-то читал, что у всемирно известного австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда есть специальная работа, кажется, она так и называется — «Толкование сновидений», но я ее не читал. И вам, студентам, пока не советую заниматься ее поиском, это сегодня опасно, его работы в нашей стране под идеологическим запретом как буржуазные. Возможно, придет время, и труды Фрейда будут доступны вашему поколению. А пока пусть хранит вас инстинкт самосохранения, — искренне посоветовал философ.

— В такой научной изоляции мы можем и не сохраниться! — пробурчал Влад и ушел в себя, не зная, когда выйдет из молчаливо-задумчивого кризиса своего разума. Да разве только разума? Душу раздрают вопросы, не имеющие ответа «по идеологическим причинам». Сам он не понимал этих причин, отчего сердце как будто огнем обжигало. Такие успехи в космосе, а тут запреты на книгу о снах, чушь какая-то! — возмущался студент аэрокосмического факультета. Однобокое, хромоногое развитие у нас получается.

Но годы шли, колесо русской истории катилось.

Вскоре вдруг всполохом духовной оттепели начало согревать наш умный и простой люд, но потом вновь поставили его на место. Местом этим был писанный и неписанный свод правил — моральный кодекс. Свод-то неплохой, даже очень хороший, но только он насаждался грубовато, авторитарно — сверху, а не исходил от сердца народа. Точнее — не доводили до него идеологи. Верхи хотели, чтобы управляемые ими массы жили по моральному кодексу, а сами его постепенно стали нарушать под флагом демократического централизма, очередного «светлого будущего». Видимо, поэтому каток истории вновь подмял под себя тех и других уже не в начале, а в конце двадцатого века. «Это уже не сон, это трагикомическая явь очередного витка русской истории», — размышлял Влад, став к тому времени доцентом, а вскоре и профессором — Владом Павловичем Аниным.

Наша история — как в песне: «Эх ты, русская дорога, семь извилин на версту», — часто мысленно повторял он, памятуя о совете философа — жить инстинктом самосохранения. Но иногда срывался, как пес с цепи, — его прорывало истиной, она накрывалась огнем эмоций.

Друзья — Розенко и Мантуленко — на день рождения подарили ему сувенир: пенек, а в него всажен топор и внизу надпись: «Не руби с плеча». Хороший, точный совет, соглашался Влад, но все равно продолжал рубить правду-матку. Может это и не правда была вовсе, но ему она представлялась таковой. И когда его мягко или жестко поправляли, он с болью в сердце, как герои рассказов Василия Шукшина — с надрывом, попадал в плен комплекса неполноценности, уходил в себя, избегая контактов с друзьями, коллегами и даже с семьей. Отчего было неуютно всем. А он с болью переживал свои думушки. И во сне и наяву.

Для выхода из кризиса стал все больше погружаться в книги по психологии. И постепенно ему открылось, что такое характер человека вообще и его — в частности. Можно научиться быть сдержанным в поступках, мысли прятать в себе. Для этого необходима коррекция своих поступков. Ясно понимал это Влад. Но понимал — теперь уже на научной основе, — что генетическое нутро человека изменить очень трудно! Даже силой разума. Характер-то — сердцевина души, а душа управляет разумом и духом и дает человеку силу воли. И только сила духа и сила воли способны исправлять порой упрямый характер. К таким выводам приходил Влад после углубления в психологическую науку, в ее закрытые ранее для технаря знания. И, конечно же, жизненный опыт с его взлетами и падениями, радостями и горестями, влюбленностями в людей и с разочарованиями в них, страстями и помыслами существенно дополнял книжные истины.

Но одна книга не только открыла ту истину, тайна которой не покидала его. Во время очередной оттепели под названием «перестройка» Влад зашел в академический книжный магазин и увидел книгу Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений». «Эврика!» — воскликнул он. К нему в испуге подбежала милая продавщица Роза и спросила: «Профессор, что с вами, вы так меня напугали!?»

— Роза, я вижу книгу, о которой давно мечтал. Дай я тебя расцелую!

– Боже, какой же чудака-фанатик. На дворе рынок, многие добывают на пропитание кто как может, а он радуется книге. Видно, что не пережил Ленинградскую блокаду – тогда люди куску хлеба так радовались, а ты книге. Значит, еще хорошо живем, живы будем – не помрем, – завершила свой монолог продавщица.

– Роза, знания и информация сегодня – это товар. И самый дорогой и значимый. Так нас убеждают. Что, не веришь? Выходит, книги, которые ты продаешь, – самый дорогой товар, и ты можешь стать миллионером, – не без иронической улыбки парировал Влад.

– Да что ты, милый, говоришь, – падает спрос-то на книги, говорят, что скоро по компьютерам читать книги будут, и я не нужна буду. А он о миллионах – фантазер, да и только.

– Да, люблю помечтать. Мне слушатели даже прозвище дали: «Кремлевский мечтатель»!

– Вот и книгу-то небось купил о мечтаниях во сне? – спросила Роза.

– Нет, это серьезный научный труд, – уже без иронии заключил покупатель «сновидений».

Чем глубже постигал он это сочинение самого загадочного ученого двадцатого века, тем более сложной ему представлялась проблема человеческих сновидений. Запутался в ней Влад, много новых непонятных терминов. При чем, например, здесь либидо с его сексуальной мотивацией? Или диагноз болезни по результатам сновидений? Получалось больше вопросов, чем ответов.

И эту «священную книгу» (как Влад ее для себя назвал) он подарил студентке Ане, соседке по дачному участку. Она как раз в педвузе изучала психологию и наслышалась об этой «модной книге». Она была счастлива подарку, а Влад радостен, что освободился от Фрейда.

Но освобождение не получилось. Получился плен. Влад начал с жадностью погружаться в новые книги Фрейда о феномене бессознательного, его магической силе в мотивации поведения людей всех профессий и возрастов. Он купался, утопал в эмоциях от счастья познания непознанного, трудноуловимого, но существенно реального и как бы сейчас сказали – креативного (то есть творческого), незримо созидательного.

Влад неистово стал погружаться в труды учеников, продолжателей дела Зигмунда Фрейда. Из трудов Юнга и других ученых-психоаналитиков он делал для себя открытие за открытием.

При этом не забывал слова философа: если я знаю, что я много знаю, то я ничего не знаю, а если я знаю, что мало знаю, то я что-то знаю.

Влад кое-что из психоанализа начал понимать. Но одновременно подзабыл первую часть фразы мудреца. И попался на авантюре — забыл библейский парадоксальный постулат: многознание умножает скорбь. Он взялся провести методологический семинар в Академии общественных наук при ЦК КПСС, выступить с докладом о развитии социального психоанализа в нашей стране. Тем более что в двадцатые годы была в нашей стране школа психоанализа Ермакова.

Собрался зал из преподавателей академии, московской Высшей партийной школы, московского университета и других вузов. Человек примерно сто. Влад, будучи уже доктором философских наук, профессором, с запалом делает доклад. Текст этот он хранит до сих пор. Вроде не плохой!?

После окончания доклада ведущий семинара — учитель Влада, заведующий кафедрой социальной психологии «мудрый Константиныч» (так прозвали его аспиранты), обратился к залу: «У кого есть к докладчику вопросы?»

— Нет вопросов! — громко с презрением произносит дама из ВПШ, встает и направляется к выходу. Другие ее поддерживают. Зал опустел. И только на трибуне два человека. Учитель, чтобы успокоить Влада, произнес: «Не переживай, время не пришло».

Влад трясущимися руками собрал растрепанные страницы доклада и как побитый, с низко опущенной головой и резко возникшей болью в правой ноге (она всегда давала о себе знать после стресса) побрел к метро. Как он доехал до дома, не помнил.

На следующий день он запрятал глубоко в шкаф весь свой «фрейдизм», не желая больше к нему возвращаться. Однако удалось «отрешиться», может, на год, не более. Помогло увлечение журналистикой, работа редактором в «Студенческом меридиане». Но частенько он повторял свой пораженческий доклад во сне, просыпался в поту, гнал мысли прочь. А сон вновь приходил. И Влад решил сон сделать явью, заняться социальным психоанализом. К тому же жизнь в «перестройке» ставила острые проблемы.

Ему хотелось понять многое из происходящего в жизни, да и в его собственной судьбе, но причинно-следственные связи явлений ему не открывались — ни на основе философии, социологии, ни социальной психологии. В прессе журналисты, да и ученые,

больше описывали события как следствие. Например, почему в России только за XX век произошло больше революций, чем во всем мире? Никто не объясняет. Или почему нашу страну на протяжении столетий преследует парадокс: богатое государство, богатая знать и при этом — бедный народ. В Европе — то давно уже не так. Ему не хотелось искать ответа на вопрос, кто виноват, его волновало — почему?

Владу иногда казалось, что народ наш порой впадает в летаргический сон, а проснувшись, жертвенно идет на очередную революцию. Почему? Может, виной тому наш национальный характер, наше национальное бессознательное? И чем больше он набирался мудрости из книг и немалого жизненного опыта, тем очевиднее становился ответ: причина в нашем национальном характере. И в проявлениях российского бессознательного. Но об этом выводе никто не хотел и слышать. Влад снова уходил в себя. Жадно прочитал всего (доступного на тот момент) Фромма... Но жизнь с ее перегибами была труднее книг для понимания.

Разум вновь возвращал его к проблеме сна. Наверное, потому, что с бурным развитием коммуникации, с появлением компьютеров, сотовых телефонов, электронной почты, Интернета обмен информацией стал сверхобъемным. Живое общение между людьми становилось все более сжатым, опосредованным, неживым, даже любовь — страшно представить — и секс стали неживыми, опосредованными. На электронном языке такое общение стало называться *виртуальным*, а не реальным. Словом, как сон — он и виртуален, и реален.

Муки творчества

Профессор вспоминал вновь и вновь слова Фрейда: «Теория стала популярной, но осталась непонятой». Нет, она становилась популярной. Но понятой ли? Однажды подруга нашего профессора Евгения Анатольевна, тоже профессор, из МГУ, встретившись с Владом в академических коридорах, вдруг выпалила пучком положительных эмоций фразу в его адрес: «Профессор, а вы знаете, что на вашу книгу по социальному психоанализу в Ленинке очередь, и я записалась тоже. Вам это льстит?» — закончила она вопросом.

— Что-то не верится, — с сомнением ответил профессор профессору. А на душе Влада стало тепло — как после сибирских морозов, когда неожиданный яркий солнечный луч согревает бугорочки-проталинки земли и оттаивает скрепленные морозостойким характером зазорные души сибиряков. Любит Влад Палыч свой народ, родной край и родную деревню, свой род. Любит, как любили два его деда, как любила мать — родная, родимая — вечно памятная во сне и наяву. Вечную привязанность к своей деревне, свою судьбинную любовь к Родине и матери он выразил в «Повести о судьбе», в которой подзаголовок: «Деревня моя, деревянная, дальняя». Сквозит в ней авторская грустинка о том, что многое из задуманного по жизни не удалось — в судьбе и в планах. Так отзывались о книге родные и близкие из милой его сердцу деревни, да и он сам сознавал, оглядываясь в прошлое. Судьба его — кочки сплошные: то взлеты, то падения. Но испытания закаляли ум и душу профессора, оставляя рубцы на сердце.

Влад старался не поддаваться унынию. Но однажды боль души и разума достала, как говорится, до пяток. И все опять связано с Фрейдом.

Дело было так. Под его руководством была написана первая докторская диссертация одной красивой и умной женщиной. Ведущей организацией согласился быть Институт психологии РАН, точнее — одна из его лабораторий. Завлаба Палыч хорошо знал, они даже дружили — на научной почве. Завлаб написал положительный отзыв и пошел подписывать у директора. Вышел от него, оторвал от текста свою подпись и разжевал. Соискательница обомлела. Защита сорвалась. Но через год она успешно защитилась в совете по философским наукам.

Но на этом история общения с завлабом не заканчивается. Встретил его Влад на дне рождения общего знакомого — директора Фонда гуманитарных исследований. Было немало академиков, членкоров. Во время перерыва Влада задержал один молодежавый академик, одновременно подхватил под руку того самого завлаба и прямо в лоб ему вопрос:

— Что вы гробите социальный психоанализ и Палыча вместе с ним? Стыдно за ваш консерватизм!

Завлаб (к тому времени, правда, он уже был рангом повыше) в некоторой задумчивости, подперев подбородок, говорит:

— Понимаешь, профессор Анин опередил нас с разработкой психоанализа лет этак на десять—двадцать, мы тогда его не поняли — кто открыто, кто молча, — но не признавали же фрейдизм.

И он пожал руку Палычу.

Владу такое признание понравилось. Он сказал про себя: «Вот это настоящий ученый!» И они стали еще крепче дружить. Ученикам он стал более уверенно говорить, что психоанализ — ключ к осознанию самих себя и себя среди других и метод предсказаний будущих событий: экономических, политических, да просто житейских. Особенно это было очевидно на примере развала СССР, Югославии, истории зарождения терроризма.

Влад пытался на занятиях, имея за плечами журналистский опыт, изложить идеи Фрейда, Юнга, Фромма в популярной форме. Весь секрет, или вся тайна психоанализа, как и вся суть человеческих поступков, заключена в деятельности мозга. Мозг мало изучен, по признанию директора Института мозга Натальи Бехтеревой, с которой Владу приходилось лично беседовать, когда он возглавлял сектор философии, психологии и права в отделе науки ЦК КПСС в период горбачевской «перестройки».

Начало «перестройки» было глотком кислорода для общественных наук и журналистики. Образно говоря, мы как бы выходили из застоявшегося болота с запахом гнильцы и вдыхали напоенный кислородом и ароматом трав воздух. Но вместе с этим заглатывались бактерии странного вируса, поражающего доверчивое сознание народа. Жаль, что тайна власти проникла в «тайны русской души». Оказалось, как потом он убедился позже в личной беседе с Михаилом Горбачевым («Горби» — так называли его многие), — «перестройка» была сном, лишь частично сбывшимся в реалиях. Но и реалии-то были трагикомедией. Надежда на возрождение вскоре исчезла, как санаторный любовный роман в незабываемом фильме «Любовь и голуби».

Кстати, сила этого фильма режиссера Владимира Меньшова заключена в проникновении авторов и актеров в роль либидо (по Фрейдю), где дух любви сливается с плотью, с биологической потребностью насладиться друг другом сполна. Иначе: «любовь зла — полюбишь и козла» — гласит народная мудрость. Любовь — это и вера, и надежда, но в ней случаются минуты разочарования, способные превратиться в годы тяжелых испытаний. Любовь — есть таинство влюбленных.

Любовь разделенная и неразделенная

— Токи любви разделенной и неразделенной идут от центров мозга, формируют по нервным «проводам» психику человека, — любил начинать лекцию Влад Палыч. — В ней-то и бушуют страсти, вплоть до самопожертвования. Как это происходит? Фрейд говорит нам, что человеческий мозг состоит, образно выражаясь, из двух пересекающихся между собой шаров-полушарий. Один воспроизводит эмоции, или иначе — это иррациональный мир человека, как его трактуют многие ученые. Другое полушарие, левое, — рациональное. Оно всегда думушку думает, контроль за эмоциями осуществляет, как бы те с цепи не сорвались. Рацио обеспечивает порядок в сознании (как *ordo* у немцев), анализирует происходящее, строит планы на будущее. Оно не позволяет человеку вольничать, наполнять свою жизнь избытком радости и грусти. Но рацио может засушить человека — так и будет он все ходить и соображать. Однако соображалка-то может устать, перетрудиться, тогда жди инсульта, перегрузка эмоциями бьет по сердцу инфарктом, в особенности когда жизнь сопровождается цепью переживаний: сначала за детей, потом за внуков. В конце концов — и за самого себя — с вопросом: как же так, жизнь прошла, словно миг, вот уже и свет в конце туннеля во сне является, — почему так несправедливо мир устроен? Но годы, время не остановить — этот закон не переделаешь, — заключал профессор.

— Не волнуйтесь, люди добрые, — любил повторять Палыч вдруг состарившимся ровесникам. — Есть у академика Бехтерева статья «Духовное бессмертие личности...». Почитайте, и вы поймете, друзья, что духовное бессмертие в ваших руках. Сейте доброе, вечное, как призывал Некрасов, и будете бессмертны.

— Все это академические догадки, жизнь коротка и конечна, лучше о таинствах работы мозга продолжи, только, пожалуйста, попроще, — просят собеседники.

— Да уж куда проще — иначе не могу. Словом, берегите правое полушарие, не перегружайте его отрицательными эмоциями, а то не ровён час — получите инфаркт.

— Так что же — быть сухарем или, как в народе говорят, твердым как камень? Но с такими общаться не хочется, скучны, да еще и умничать любят, — ворчливо поучая, констатирует женская часть интеллектуальной тусовки.

— Вопрос ваш попадает в десятку, — начинает развивать свою мысль профессор. — Дело в том, что левое и правое полушария мозга не просто пересекаются, они постоянно взаимодействуют. Эту работу осуществляют два механизма: вытеснения и сопротивления. Для сравнения: представьте быка, которого загоняют в стойло, а он сопротивляется, он хочет быть на воле, общаться с подругой-коровой. Эмоции горят в человеке во время яркого события: пожар, наводнение или другое — радость долгожданной Победы. Вспомните своих матерей, тех, кто ждал «без вести пропавших» — и вдруг кто-то из них возвращался живым... А боль не дождавшихся! Все эти события в виде информации, — пламенно доказывал Влад, — вытесняются в область бессознательного и там хранятся, сопротивляются воспоминанию. И только повторение подобного события в текущей жизни, например проводы матерью-вдовой теперь уже внука на афганскую или чеченскую войну..

У некоторых слушательниц навернулись на глаза слезы, и он повернул разговор на иную тему.

— А вы знаете происхождение ваших снов?

— Одних — вроде как знаю, часто вижу во сне маму, а в других — такая порой галиматья снится, что просыпаешься в ужасе, чуть ли не в предынфарктном состоянии, — признается один из собеседников.

— Все правильно. Во сне левое полушарие мозга отключается, отдыхает от мыслей, от радостей и горестей, — поясняет профессор, — а правое, эмоциональное, во сне продолжает бодрствовать. Но в нем-то и заключено как раз то, что называют кладовой бессознательного. Мысли и умственные озарения, переживания, даже мгновения счастья не исчезают — они откладываются в правом полушарии. А левое во сне выполняет роль спящего, но мыслящего провокатора.

— Подождите, какой провокатор, если оно спит? — звучит громкий вопрос собеседницы. — Я порой вижу сцены из реального детства, разве правое полушарие на уровне эмоции способно это запомнить? Что-то вы, профессор, совсем нас запутали.

— Давайте представим, что между полушариями у вас есть некая перегородка, она не всё и не всегда пропускает из бессознательного в сознание. И наоборот.

— Какая еще перегородка — теперь совсем дебри!?

— Нет, не дебри, хотя, в общем-то, вы правы, наш мозг — это и в самом деле дебри. Но я опираюсь на доказательства не только Фрейда, но и всей психоаналитической мировой мысли.

Молчание.

— У Фрейда — это область совместной работы левого и правого полушария, — продолжал Влад, — он ее называет в одном случае «сверх-Я», куда помещает совесть, талант, интуицию, мудрость как результат обмена между сознанием сегодняшнего дня и бессознательным, где хранится в тайнике память о прошлом, пережитом. Или иначе — это хранилище исторической родовой памяти. В другом случае у Фрейда эта же перегородка называется «цензором» или точнее «самоцензором», когда совесть с помощью механизма сопротивления не дает ворваться в сознание алчным инстинктам. Я их называю инстинктами бесовщины, — продолжал профессор выкладывать собеседникам результат своих долгих творческих мук в понимании работы мозга. — Нет, там есть и добрые феи, и старик Хоттабыч, но сильнее при сломе перегородки оказываются бесы — эти темные рефлекс, инстинкты и гены рода человеческого. У Юнга это область поверхностного творчества, но здесь же источник визионерского, читай — талантливого или просто умного творчества. Академик Симонов ввел понятие «сверхсознание». Это состояние, когда к человеку приходит озарение, вдохновение, просветление, одухотворение, а иногда и омраченное духом светлого или темного эгрегора, — помните, как последний проявляет себя у Даниила Андреева в «Розе мира»? — На такой высокой ноте заключил свой научный пассаж Палыч.

— Простите, а при чем здесь сны и сновидения? — звучит справедливый и точный вопрос в адрес профессора.

— При том, друзья мои, что во сне — теперь уже на мой собственный взгляд — может проявить себя смежная область полушарий, где «сверх-Я» — это уже «сверхсон». То есть результат вхождения без спроса в его величество содержимое то из эмоции, то из рации. Результат их соединяется в вашем сне. Дело в том, что «сверх-я» никогда не дремлет, оно всегда в работе. Кошмарные сны — это когда эмоция перегружается, а рация дает соответствующие образы. Благоприятные сны — результат благополучия эмоции и рации, часто это несбыточные желания — как, например, несостоявшаяся первая любовь или страстное желание по-

делиться сокровенным с мамой. И вообще вариантов сновидений много, ибо много причин — сигналов, поступающих в наш мозг и бегущих по нервам к душе и сердцу. Но есть доминанты — это глубокие горькие или радостные переживания,— закончил профессор.

— Все это интересно, но есть сомнения. Мне кажется — нет, не кажется, это было реально, — однажды я сложную творческую задачу решил во сне, разве тогда дремало мое левое полушарие?

— Думаю, что загадка лежит в области «сверх-Я». Меня мучает вопрос: почему люди с этой развитой «перегородкой» талантливы, гениальны, но рано уходят из жизни. Это и Пушкин, и Лермонтов, и Маяковский, и Есенин..., и Высоцкий и т. д. Говорят, что гении страдают шизофренией и потому плохо кончают. Не верю! На мой взгляд, талантливые, гениальные люди в России смотрели в ее глубину, в суть народной жизни, зрели своим «сверх-Я» ее невзгоды и рацию и эмоцио. В их «перегородке» скапливался клубок противоречий, который разрывал сердце, толкал на трагические поступки. Гении в России, как правило, не в чести у власти и чужды окружающей толпе. Не случайно именно в России написано бессмертное произведение «Горе от ума». Подчеркиваю — таланты не нужны агрессивной серости и взбесившейся параноидальности. Толпу создают те, кто толпится у кормушки. Или те, кто к ней не допущен. А гении всегда выше мотивов толпы. И не только гении — простые, честные, умные люди, коими всегда была полна Россия. Но их теснит и поедает агрессивная серость. И недоросли.

— Грусть наводишь, профессор. А мы-то кто — толпа или..? — после молчаливой паузы Палыча звучит — грустным голосом — вопрос.

— По моему разумению, вы все добропорядочные люди. С агрессивной серостью и толпящимися около кормушек стараюсь не общаться, у них в подсознании бесы водятся. Мой совет — больше набирайте в душу свою положительных эмоций! И держитесь подальше от бесовщины.

— Пardon, а как же с умным левым полушарием быть, если жить одними эмоциями, которые бывают и грезами?

— Да, есть сомнения. Давайте о них поговорим при следующей встрече.

